

Чехов. Модерато кантабиле

«Снега» Никола Бреалья
в Театре Старой голубятни

Сезон в Театре Старой голубятни открылся спектаклем режиссера Шарля Торджмана «Снега». (В постановке заняты актеры «Комеди Франсез».) «Снега» — пьеса Никола Бреалья по мотивам повести Чехова «Бабы царство». Не инсценировка, а именно пьеса, т.е. произведение сценичное и законченное. Автор предлагает не переложение Чехова для сцены («Я отчетливо сознаю, что драматическая вселенная Чехова не нуждается в том, чтобы добавлять к ней еще одну пьесу, а я вовсе не приравниваю себя к Чехо-

щих с поздравлениями к барышне), — все это в пьесе опущено. Действие спектакля сосредоточено на пяти женщинах, на их переживаниях, мечтаниях, тоске, одиночестве. Перефразируя Чехова, можно сказать, что в этом спектакле «пять пудов одиночества».

Тема одиночества Анны Акимовны, чувствующей свою несовместимость с навязанной ей социальной ролью — владелицы фабрики и благотворительницы («не на той улице родилась») и страдающей от своей женской невостребованности, есть и у

кадентство, сколько на декадента, ставшего «модой времени».

Ни драматурга, ни режиссера все это тоже не волнует, и Лысевич в спектакле — не более чем проходной персонаж, никакой радости от собственно красноречия он не получает, а ходит сюда исключительно ради денег (не случайно в пьесе он бухгалтер).

Наконец, третий мужчина, о котором все говорят, но который на сцене так и не появляется, — это рабочий Пименов, за которого все домохозяйки вдруг мечтают выдать замуж Анну. В

Действие спектакля происходит в скромной буфетной. Никаких внешних признаков «русскости» зрителю не навязывается, и даже самовар — неизменный атрибут «национального колорита», отодвинут на край стола, так что его почти не видно.

Никола Бреаль.

этом смысле отсутствующий Пименов постепенно становится как бы символом Мужчины вообще, Жениха вообще, каким он видится пятерым женщинам.

ву), но попытку очень личного прочтения чеховской повести. Бреаль берет из повести только те мотивы, которые ему близки. В результате, как видится драматургу, «Снега» становятся местом встречи двух культур, двух языков на основном, неисчерпаемом чеховском фоне.

Спектакль начинается с приглушенных звуков фортепиано, в голубоватом свете зимнего дня. Внутренняя музыкальность, кажется, присуща всему спектаклю Торджмана, ритм которого я бы определила как «умеренно, напевно». Действие спектакля происходит на нижнем этаже, на «бабьей половине», как сказано у Чехова, только вместо столовой богатого купеческого дома оно переносится в скромную буфетную, примыкающую к кухне. Эта буфетная, своего рода проходная комната, и одновременно, по автору пьесы, самая теплая в доме. Теплая как в прямом (не дует, близко к кухне), так и в переносном смысле: это место встреч домохозяев «бабьего царства». Никола Сир, сценограф спектакля, выстраивает на сцене узкую выгородку серо-голубых тонов, к которой сбоку прилепился уголок кухни, с печью и развешанной посудой. Сир, однако, не стремится, как это часто свойственно французским спектаклям на «русскую тему», свести декорации к «национальному колориту»: никаких внешних знаков «русскости» он зрителю не навязывает, и даже самовар, неизменный атрибут «русского стиля», отодвигается на самый край стола, поближе к заднику, так что его почти и не видно. Значимая деталь в этой комнате — дверь, за которой вначале лишь угадывается снежная насыпь, потом приоткрываются заснеженные деревья, чтобы в финале раскрыться широко, раскрыться во всю сцену — под снегопад. Другой значимый предмет — настенные часы. Та линия повести, где рабочий Пименов, в которого влюбляется Анна Акимовна, занимается в свободное время починкой часов, вырастает в спектакле в тему Пименова: думая или говоря о нем, все персонажи обращаются к часам.

Несмотря на название, пьесе Бреалья, как и спектакль, с еще большим основанием, чем чеховскую повесть, можно назвать «бабым царством». Жанровые зарисовки фабричного быта, так же, как сам ритуал рождественского праздника, который так подробно описан у Чехова (приход служа-

Чехова. Создатели спектакля «Снега» усиливают эту тему, находя (или придумывая) ее для каждого персонажа: для горничной Маши, для двух тетушек — Татьяны и Варвары, для кухарки Агафьи. Хотя этот замкнутый «бабий мир» не лишен своеобразного обаяния: здесь вкусно едят и пьют, здесь власть, здесь умеют и любят веселиться и друг к другу относятся с любовью, причем в отношении господ к прислуге есть нечто родственное отношению сестер Прозоровых к старой няне. Можно сказать, что они «одной группы крови». Только вместо мечты о Москве Анна Акимовна и Маша (так придумано Бреалем) лелеют мечту о Париже. «В Париж, в Париж...»

Мужчины из этого мира исключены, а если и присутствуют, как лакей Миша или бухгалтер Лысевич, то незначительны, неинтересны. Когда столет тому назад повесть Чехова была впервые напечатана в журнале «Русская мысль» (1894 г.), многие критики, не без причины, увидели в ней «документ для характеристики русского декаденса», а в адвокате Лысевиче — чуть ли не главное действующее лицо. И действительно, Лысевич, «верящий в одно только оригинальное и необычное», изысканный язык причудливым и пряным и требующий от Анны «быть непременно развратной», написан как пародия не столько на де-

В повести Чехова Анна осознает невозможность своего брака с «фабричным» под влиянием презрительной реплики лакея Миши. Шарль Торджман придумывает чисто театральный ход: в рождественскую ночь, в разгар праздника, из снега да в дом вваливается некое очень странное без пола и возраста существо — кликуша, юридическая Жужелица, всем бабам дающая успокоение и обещающая Анне в неделю «приворожить» Пименова. Заметим, что Жужелица (прозвище, данное за «схидство и ненавистничество» богомолке Паше, описанной Чеховым в реалистических тонах), во французском спектакле в исполнении Сильвии Берже парадоксально напоминает сумасшедших Островского. И вот именно в тот момент, когда все как будто уладилось, Анна ни с того ни с сего замечает, что ей теперь стало окончательно ясно, что Пименов никогда не сможет сидеть за ее столом и т.д. И когда Катрин Сальвиа—Анна, закружив прижавшуюся к ней Машу, произносит с какой-то отчаянной радостью последнюю реплику: «Ах, какие мы дуры, дуры», то вдруг обнаруживается окончательно связь героинь «Снега» с персонажами чеховских пьес.

ЕКАТЕРИНА
БОГОПОЛЬСКАЯ

Париж